

**Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии:
V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа
Тезисы докладов межрегиональной научной конференции
(12-15 апреля 2001 г.)**

Настоящее издание посвящено актуальным проблемам древней, средневековой и современной истории населения Северного Кавказа в археологическом, политическом, культурном, этнографическом аспектах.

Рассчитано на научных работников, студентов высших учебных заведений, широкую аудиторию читателей.

Издательство Ставропольского государственного университета 2001

тираж 200 экз.

<http://annals.xlegio.ru/life/5minaev/5minaev.htm>

Цуциев А.А. (Владикавказ).

События в Центральной Азии и появление алан в Юго-Восточной Европе

Как известно, этноним *алан* фиксируется впервые в I в. н. э. Наиболее ранними сообщениями об аланах являются соответствующие упоминания Сенеки, Лукана, Валерия Флакка, Плиния Секунда и Иосифа Флавия. Д.А.Мачинский, обратившийся к источниковедческому и сравнительному анализу письменных известий, пришел к заключению, что аланы в степях Восточной Европы появляются между 50 и 65 гг. и являются этническим массивом, имеющим восточное, массагетское происхождение (Мачинский, 1974). Восточное происхождение алан подтверждается и присутствием в их материальной культуре многочисленных центральноазиатских элементов, о чем в последние годы все чаще пишут археологи.

Если появление алан в Европе в сер. I в. н. э. действительно связано с их миграцией из Азии, было бы весьма интересным рассмотреть политические события и этнические процессы, происходившие в Центральной Азии во вт. четв. I в. н. э. с тем, чтобы попытаться найти причины названной миграции.

Обозначенный период был довольно бурным, насыщенным военно-политическими событиями и миграциями. В 22 г. н. э. в Восточном Туркестане разразилась катастрофическая засуха, заставившая мигрировать хунну на запад. В Ханьской империи резко обостряются внутренние противоречия. Политическая неразбериха и массовые крестьянские восстания отвлекли Китай от Западного края. Владения, ранее признававшие вассальную зависимость от Китая, вышли из под его контроля. В 25 г. Лю Сю объявил о реставрации династии Хань, но ему понадобилось более десяти лет, чтобы преодолеть сопротивление других претендентов на власть. Слабость Китая позволила хунну серьезно усилить свои позиции в Западном крае. В 30-е г. они одержали ряд крупных военных побед и предложили императору Гуан У-ди (Лю Сю) признать Хунну империей, равной Китаю. Территория хуннских кочевий значительно расширяется, набегам стали подвергаться даже внутренние районы Китая.

Пока хунну успешно воевали с Ханьской империей, в Западном [69] крае усиливается княжество Согюй (Соцзюй). Это владение, располагавшееся юго-восточнее Давани (Фергана), настолько быстро возвышается и становится серьезной военной силой, что даже попытка выяснения причин этого явления ставит нас в тупик. Обратимся к источникам. Еще в 65 г. до н. э. по сведениям «Цянь Хань шу» население Согюя составляло 16 373 чел., а войско — 3 049

чел. (Бичурин, 1950, с. 189), а в 29 г. н. э. согюйскому владетелю Кану подчинились все 55 государств Западного края, как сообщает об этом «Хоу Хань шу» (Бичурин, 1950, с. 230). В 30-е годы Согюй продолжает успешные военные действия, покоря одно за другим окружающие владения. К концу 40-х годов этой печальной участи не избежала и Давань, пытавшаяся было уменьшить дань, выплачивавшуюся Согюю (Бичурин, 1950, с. 232). В то же время Кангюй несколько раз нападает на Давань, своего традиционного союзника. В начале 50-х годов правитель Согюя Сянь совершает поход на «князя сырдарьинских саков» и смещает его, а затем возводит своих ставленников на престол в Давани и даже в Кангюе, одном из наиболее мощных в этот момент государств, имевшем 120000 войско (Бичурин, 1950, с. 186; Кюннер, 1961, с. 175). Мы не располагаем более подробной информацией о данных событиях, но можно предположить, что старая кангюйская знать была вынуждена спасаться бегством на запад.

Говоря о Кангюе, необходимо отметить, что в интересующий нас хронологический отрезок (до момента подчинения Согюю) он сам проводит довольно активную внешнюю политику. Наиболее интересным ее фактом является подчинение приаральского владения Яньцай. Нам представляется перспективным предположение о том, «исполнителями» акции были кангюйские аланы. В таком случае становится понятным и второй факт, сообщаемый «Хоу Хань шу» — переименование Яньцай в Аланьна.

После подчинения Согюем, чья этническая принадлежность остается загадкой, определенная часть кангюйского населения (возможно, аланская) мигрирует на запад. Предполагаемое передвижение алан, отразившееся как в европейских письменных источниках, так и в археологических материалах Юго-Восточной Европы, таким образом, могло быть в какой-то степени вызвано экспансионистской политикой усилившегося Согюя.

Если первое упоминание алан в западных источниках действительно отражает политические и этномиграционные процессы, корни которых уводят нас в Центральную Азию, то временем появления алан в Европе нужно считать вторую половину — конец 50-х годов I в. н. э. Здесь мы имеем в виду крупную, значительную миграцию, что не противоречит проникновению отдельных аланских групп на запад и в более раннее время. Вполне вероятно, что какая-то часть алан уже в 35 г. была в Предкавказье и приняла активное участие в иберо-[70]парфянском конфликте (Гаглойти, 1995, с. 47-50). Б.А. Раевым и С.А. Яценко высказано предположение, что аланы были в Предкавказье уже в середине I в. до н. э. Орда аланского вождя Анавсия принимала участие в закавказской войне с Помпеем в 65 г. до н. э. (Раев, Яценко, 1993, с. 117-118). Мы не исключаем вероятности раннего, до 50-х гг. н. э., проникновения алан в Предкавказье, но такое развитие событий требует серьезного подтверждения археологическими, письменными и другими источниками, которых пока явно недостаточно.

Туаллагов А.А. (Владикавказ).

К вопросу об аланском этногенезе осетин

Наиболее лингвистически и исторически обоснованным считается решение о возведении этнонима «алан» к Arya (allan < *al(y)ana < *aryana < *arya) (Абаев В.И., 1949, с. 247; Gershevich, 1955, p. 486; Zgusta L., 1955, s. 264; Ахвледиани Г., 1960, с. 217; Гагкаев К.Е., 1967, с. 199; Гамкрелидзе Т.В., 1984, с. 755; Оранский И.М., 1988, с. 72; Кузнецов В.А., 1992, с. 6; Яйленко В.П., 1995, с. 66 и др.). У иранских народов термина агуа в его социальном значении продолжал традицию, унаследованную от общеиндоевропейского корня, прилагаясь в целом к вооруженным свободным общинникам, а в более узком значении — к воинской элите,

кормившейся грабежом. Он был более значим не для внешней, а для внутривосточной ориентации. Его квазиэтническое значение усиливалось на перифериях индоевропейского мира в условиях контактов и противостояния, включая идеологическое, с иноэтничным населением (Лелеков П.А., 1982, с.148-161). Наблюдения за появлением этнонима «алан» у ираноязычных кочевников Евразии позволяет связать его с юэчжийско-тохарской элитой, объединявшей в своем лице военные и сакральные функции. Собственное название «тохар» звучит в названии осетин-дигоров *digor*.

В то же время самоназвание другой части осетинского народа *iron* большинство исследователей возводят непосредственно к *arya* (Gershevich, 1955, p. 486; Zgusta L., 1955, s. 232; Ахвледиани Г, 1960, с. 218; Гагкаев К.Е., 1967, с. 199; Миллер В.Ф., 1992, с. 239; Гуриев Т.А., 1962, с. 122-125; Harmatta J., 1950, p. 23; Harmatta J., 1970, p. 80-81; Турчанинов Г.Ф., 1990, с. 24-28 и др.). Элемент *ir* отмечается в варварских именах кон. II — нач. III вв. н.э. Хракас, Ирамбустос, Ирауадис, Ирбис, Ирганос, Фореранос (Абаев В.И., 1949, с. 158; Zgusta L., 1955, s. 232, № 438; Harmatta J., 1970, p. 80-81; Турчанинов Г.Ф., 1990, с. 24-28; Миллер В.Ф., 1992, с. 14). Хотя В.И. Абаев (1949, с. 245) присоединяется в интерпретации имени главы аланских переводчиков ХракаV через *aryaka*, но в целом не допускает соответствующего развития *ir*. Автор отмечает, [71] что в противном случае пришлось бы допустить, что осетины-дигоры забыли свое собственное самоназвание «арии» и впоследствии заимствовали *ir* у иронов. Однако самоназвание «арии» никогда не существовало у предков дигоров, которые сохранили самоназвание своих предков тохаров.

Все исследователи считают, что *ir* является относительно более поздним образованием по сравнению с *allan*. Фиксация древними источниками названий «ареаты», «арии», «алы», «аланы», «олонды», «Алонта» относится к периоду распространения в Восточной Европе среднесарматской культуры, в которой представлены яркие центральноазиатские инновации. Известные факты по истории центральноазиатского региона подтверждают данное наблюдение. К ним следует отнести и наблюдения за частью лексики осетинского языка (Миллер В.Ф., 1992, с. 598; Harmatta J., 1970; Harmatta J., 1952; Bailey H.W., 1977). В среднеазиатский регион ведут фольклорные связи осетинского эпоса и алано-асская топонимика (Толстов С.П., 1948, с. 493; Снесарев Г.П., 1975, с. 76, 85, 93; Дзицойты Ю.А., 1992, с. 181-182; Толстова Л.С., 1984, с. 187; Цуциев А.А., 1999, с. 132). Последующая выработка *ir* оказывается связана с позднесарматской средой, вероятно, воспринявшей существующую традицию «ариев», но уже развившую ее в качестве этникона.

Известная по дагестанским хроникам страна Ирхан/Ихран с одноименной столицей (область Иркувун персидских источников, Иритава турецкого путешественника Э. Челеби) соотносится с восточной частью Алании (Гадло А.В., 1984, с. 121), которую прежде всего связывают именно с историей осетин-иронов. В то же время на одной из итальянских карт XIV в.н.э. на Кубани располагается Иркания, название которой носят и два города на самой Кубани и на Дону. В Иркании видят отголосок сведений древности и раннего средневековья (Нарожный Е.И., 1995, с. 10-11). Видимо, итальянские карты фиксируют появление «иров», носителей позднесарматской культуры. Последующее появление иров в Центральном Предкавказье может быть связано с миграцией примеотийского аланского населения после готского нашествия, что прослеживается археологически.

Но не исключено, что *iron* связано со сред. авест. *vir* — «муж» (Bielmeier R., 1988, s. 99-106). В сравнении с термином «алан-арий» он должен был обозначать иную социальную группу общества. Вероятно, он изначально прилагался к рядовым общинникам, составлявшим вооруженное ополчение в отличие от «алан», профессиональных знатных воинов, обладавших

и сакральной властью. В позднесарматской культуре, в отличие от предшествующих, практически исчезает сложный погребальный обряд и золотой антураж, имевшие глубоко осмысленные сакральные образы, предполагающие зрителей и многоступенчатые церемонии. В целом исчезает очевидная социальная и этнографическая [72] обособленность элиты общества. В позднесарматской культуре выделяется «всадническая» группа, которая меньше заботилась о священных костюмах и атрибутах власти, и более — об оружии и конском уборе. Высокая степень унификации воинской экипировки, отражение в погребальной практике социальной специфики группы предполагает развитую форму военной иерархии, видимо, по дружинному принципу (Безуглов С.И., 1997, с. 137-138). Возможно, мы имеем дело с приходом к власти у носителей позднесарматской культуры новой дружинной аристократии (под руководством «второго царя?»), осуществленным силами дружинников *vi*-ов (такая организация могла быть у ревоксиналов — «белые мужи», входивших в состав роксолан — «белые аланы»). В результате, новый социальный термин впоследствии благодаря более широкой социальной базе его носителей становится самоназванием части ираноязычных номадов. Для окружающего мира они остаются «аланами» в силу этнокультурной близости с прежним ираноязычным населением Восточной Европы. Возможно, именно об этих аланах писал Аммиан Марцеллин (XXXI.2.25), что у них все благородного происхождения, а в судьи выбирают тех, кто отличился военными подвигами.

**Яценко С.А. (Москва).
О шаманстве у алано-осетин**

Сама постановка вопроса покажется кавказоведам странной: всем известно, что никаких шаманов у осетин не документировано. Однако, (если обратиться не к общепринятому мнению, а к фактам) в осетинском материале по служителям культа нетрудно обнаружить прямые параллели с шаманством как ирано-язычных (таджики), индоиранских (кафиры) и индоарийских (дарды) народов, так и тюркоязычных народов Средней Азии и Кавказа в этногенезе которых общепризнан аланский компонент (туркмены, карачаевцы и балкарцы), а также с шаманством народов Южной Сибири, в сложении которых предполагается иранский (сакский) пласт (Саяно-Алтайское нагорье).

Наше внимание привлекает, прежде всего, группа служителей культа, именованных осетинами *dæspu* («знаток», «искусный»), а русскоязычными учеными и путешественниками — «знахарь», «колдун» (курис — мэ — цок и др.). О работе «знахарей» подробнее всего писал один из первых осетинских ученых Б. Гатиев, ещё заставший последнего влиятельного мужчину этой группы Мисирби (ССКГ, вып. IX, 1876, с. 66-71). Весьма ценная информация есть в статьях И. Тхостова (1866), Д. Шанаева (1870), В.Ф. Миллера (1881) и монографиях В.Ф. Миллера (1882, ч. 2), А.Х. Магомедова (1974), Л.А. Чибирова (1984), И. Бламберга (1992). «Знахари» (женщины и мужчины) занимались в основном [73] лечением, реже — предсказаниями и указанием воров, а также участвовали в особых общественных обрядах, гарантировавших плодородие.

Сеанс (проводимый Мисирби днем) сводился к следующему. 1) Для него стелилась шкура. 2) Он вводил себя в транс, на губах выступала пена. 3) При этом он совершал особый танец, сопровождая себя колокольчиками. 4) Он собирал «войско» духов — покровителей (для борьбы с враждебными силами), называя их по очереди. 5) Во время сеанса он вступал в незримую борьбу с враждебными духами и «знахарями». (Можно предполагать, что раньше «оружием» служила войлочная плеть, что отразилось не только в нартском эпосе, но и в

этнографии балкарцев и карачаевцев). 6). С помощью духов — покровителей (которые представлялись в антропоморфном облике) Мисирби в конце концов находил в доме «заколдованный» предмет, с помощью которого и была наслана болезнь. 7). После окончания сеанса он указывал на необходимость принесения жертв конкретным божествам. Другие авторы указывали, что «знахарка» «сажала» духов на специальный большой прямоугольный кусок белой ткани (Миллер, 1881), что для гадания использовали сосуд с жидкостью (Миллер, 1882), а в жертву духам приносилась курица (Тхостов, 1866).

Все названные действия осетинских «дасны» имеют прямые параллели в шаманстве т.н. таджикского («земледельческого») комплекса Средней Азии, принципиально отличающегося от другого тюркского («скотоводческого») по В. Н. Басилову (1973). Для этого комплекса, как известно, свойственно следующее. 1) Духи — покровители имели антропоморфный облик. 2). Сеансы происходили в основном днем. 3) Инструменты характерны не струнные, а колокольчик (Муродов, 1975) или бубен. 4). В конце сеанса обнаруживается заколдованный предмет — главная «причина» болезни. 5). Во время сеанса особую роль играл большой прямоугольный кусок ткани (он использовался также шаманами туркмен и народов Саяно-Алтая). 6) Для гадания употреблялась чаша с жидкостью (молоко, кровь). 7) В жертву приносилась курица. 8). Эту работу раньше выполняли в основном женщины (тоже первоначально отмечалось у осетин, а также у индоиранских кафиров до активного распространения ислама и христианства с конца XIX в.).

Шаманы индоиранских и иранских народов, как известно, наряду с лечением и гаданиями, выполняли и общественные ритуалы. В этом смысле интересен обряд, в котором ежегодно участвовали осетинские «знахари». Их души незримо (человек выглядел спящим) под Новый Год летали верхом на собаках, козлах или некоторых бытовых предметах в Верхний мир — на волшебный Луг мертвых Курыс для того, чтобы похитить растущие там семена чудесных трав, содержащие в себе всяческие блага или семена сельскохозяйственных культур, и принести их в родную общину. Духи мертвых преследовали их, стреляя из луков (Шанаев, 1870; Гатиев, 1876; Чибиров, 1984). Подобный ритуал назван [74] Д. Шанаевым ежегодной священной «битвой за урожай». Интересно, что в ходе обучения молодых шаманов на Саяно-Алтае их также обязательно учили «летать» в Верхний мир, в Страну волшебных трав, где их следует собирать (Ксенин-Лопсан, 1987).

Есть все основания полагать, что у алано-осетин с древнейших времен существовало шаманство индоиранского облика (свойственное, видимо, далеко не всем народам этой группы). Вместе с тем показательно, что в Осетии «знахари» пользовались гораздо меньшим авторитетом, чем жрецы почитаемых святилищ (хотя и большим, чем другие категории причастных сверхъестественному лицу гадателей на прутьях и гадателей на бараньей лопатке, обычных людей «с добрым глазом»). Аналогичную картину мы наблюдаем в остальном индоиранском мире (кафиры, таджики). Также, несомненно, дело обстояло и в древности.

Иными словами, у ранних аланов было шаманство, но не было *шаманизма* (есть шаманские верования и обряды, но они не являлись центральным элементом религиозной системы). В свете известных нам этнографических данных попытки сарматологов выявить *археологические следы* рядовых женщин-шаманок будут заведомо обречены на неудачу: ведь почти все атрибуты делались из органических материалов (обычно не сохраняющихся в древних погребениях), и к тому же их не было принято вообще помещать в могилу, т.к. они наследовались...

Семенов И.Г. (Махачкала).

К локализации савир (по данным «Армянской географии» VII в.)

В VII в. сразу два источника упоминают о государственном образовании гуннов на территории в Дагестане: в «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатваци приводятся важные данные о «царстве гуннов (хонов)» во главе которого стоял «великий князь» Алп-Илитвер, о столице — «великолепном городе» Варачане и т.д.; в «Армянской географии» («Ашхарацуйц»), автором которой принято считать армянского ученого Ананию Ширакаци, кратко сообщается о «царстве гуннов (хонов)», локализуемом на территории Приморского Дагестана, о городах, в том числе и о Варачане (Вараджан).

М.И. Артамоновым (1962) было высказано мнение о том, что «царство гуннов» было основано савирами, завоевавшими дагестанские предгорья в VI в. Предположение о савирском характере «царства гуннов» в Дагестане было поддержано Я.А. Федоровым (1972) и Л.Б. Гмыря (1980). Ю.Р. Джафаров (1985) также полагает, что савиры участвовали в этногенезе дагестанских гуннов. Однако, по мнению А.В. Гадло [82] (1979), гунны Прикаспийского Дагестана VII в. были отличны от савир.

Как представляется, определенную ясность в обозначенный вопрос этнических, политических связей, соотношения прикаспийских (дагестанских) гуннов и савир VII в. позволяют внести данные «Армянской географии». Прежде всего, бросается в глаза, что ее автор четко различал савир и население «царства гуннов (хонов)»: «К северу (от Дарбанда) близ моря находится царство Гуннов, на западе у Кавказа город Гуннов, Вараджан, а также Чунгарс и Мсндр (Семендер). К востоку живут Савиры до реки Талта (читай: Атль), отделяющей Азиатскую Сарматия от Скифии...». В данном пассаже река Талта (Атль), разделяющая Азиатскую Сарматия и Скифию, это, несомненно, Волга, на что неоднократно указывали исследователи. Ширакаци в своем сочинении, в основе которого лежит перевод «Географии» Клавдия Птолемея, ввел современное ему наименование Волги (Атель, Этель, Аттила византийских авторов; см.: Pritsak O., 1956; Moravcsik Gy., 195-8) вместо фигурирующей у Птолемея реки Ра, которая у греческого географа также выступает восточной границей Азиатской Сарматии (Ptol. Geogr., V, 8, 13) и которая общепринято идентифицируется с Волгой. Что же касается указания Анании Ширакаци на то, что савиры живут восточнее «царства гуннов», то оно на первый взгляд кажется ошибочным, так как с востока «страну гуннов» в Дагестане омывало Каспийское море. Однако армянский географ был хорошо знаком с этнической и политической географией Кавказа, и предполагать, что он допустил здесь ошибку, не следует. Кажущееся недоразумение можно объяснить тем, что на карте Птолемея (а труд Ширакаци, как указывалось, является переводом его сочинения) очертания Каспийского моря сильно искажены по сравнению с реальной его конфигурацией, и Каспий, согласно существовавшим представлениям, изображался вытянутым не в меридиональном направлении, а в широтном (см. также изображение Каспийского моря на Карте Пейтингера). Согласно этой карте устье реки Ра (Атль, Волга), имеющее координаты 87°30':48°50', действительно находится восточнее прикаспийской части Кавказской Албании (от реки Албан до реки Соаны), которой соответствует территория Приморского Дагестана. И в передаче Ширакаци, следовавшему в определенной степени за картографической системой своего времени, савиры и река Талта (Атль) помещаются к востоку от «царства гуннов» в Дагестане. Таким образом, на современной карте Северо-Западного Прикаспия область обитания савир по данным «Армянской географии» VII в. должна локализоваться на территории от нижнего течения Терека до низовий Волги. При этом учитываются уровень

стояния Каспийского моря и иная гидрографическая картина этой зоны Прикаспия в VI—VII вв.

Другой важный вывод, вытекающий из данных «Армянской [83] географии», состоит в том, что в VII в. савиры и дагестанские гунны (хоны) представляли собой две различные этнические группы, и высказываемое порой априорное отождествление их друг с другом является ошибочным. Вполне возможно, что между ними существовали этногенетические связи, но в пользу этого предположения пока не выдвинуто веских доводов. Не является таковым замечание Феофана — «гунны, именуемые савир» (Theoph. Chron., I.161.28), у которого этноним гунны несет собирательный характер; ср. у Евагрия — «гунны-массагеты» (Euagr. Eccl. Hist., III, 2) и др.

Гутнов Ф.Х. (Владикавказ).
Воин-купец в истории Юго-Восточной Европы

Одной из актуальных проблем отечественной исторической науки является вопрос о включении Юго-Восточной Европы в орбиту действия ВШП, начавшего функционировать еще во II в. до н.э. С первых веков н.э. парфяне, а затем и сасаниды монополизировали посредническую торговлю китайским шелком и резко взвинтили его стоимость. По свидетельству Флавия Сиракузянина, во времена императора Аврелиана (270—275 гг.) фунт шелка стоил фунт золота. В эдикте о ценах 301 г. императора Диоклетиана фунт золота оценивался в 50 тысяч динариев, а фунт пурпурного шелка-сырца — в 150 тысяч (Прокопенко, 1999).

Начавшаяся в VI в. война Византии с Персией привела к изменению трассы ВШП. Византийцы сделали все от них зависящее, чтобы она проходила через перевалы, контролируемые их союзниками — западными аланами. Западная Алания полностью или почти полностью была включена в «экономическое пространство ВШП» (В.А. Кузнецов). Совершенно очевидно, что аланы извлекали немалые выгоды из функционировавшего на их территории международного торгового пути. Они, несомненно, взимали с купцов весомую торговую пошлину.

Судя по материалам Центрального Кавказа, восточные аланы были связаны не только с Византией, но и с Ираном. В катакомбах из могильника Мокрая балка под Кисловодском найдены сасанидские монеты, которые указывают на связи местных алан не только с Византией (византийская монета найдена в катакомбе Рим-Горы, а индикации в катакомбах VII—VIII вв. и в Джагинском скальном могильнике, и т.д.), но и с Ираном. Об этом же свидетельствует значительное количество сердоликовых бус, на торговые связи со Средиземноморьем указывают раковины каури, а большое количество янтаря — на торговлю с Поднепровьем (или с народами севера) (Рунич 1975).

Заниматься торговлей на столь опасном пути, в столь беспокойное время могли лишь отчаянно смелые люди, способные обеспечить собственную безопасность и сохранность грузов. Не удивительно, что купцы, как правило, либо находились под патронажем вождей и «царей», [86] либо состояли из ближайшего окружения последних. Это характерно не только для Северного Кавказа.

Викинги известны в первую очередь своими бесчисленными морскими экспедициями, в ходе которых опустошительным набегам подвергались прибрежные районы европейских стран. Не ограничиваясь военными набегами и грабежами, предприимчивые норманны не отказывались и от торговых операций, там, где они представлялись более выгодными, чем

операции военные. Война, пиратские наскоки и торговля являлись их тремя постоянными занятиями, тесно переплетаясь между собой (Пушкарев 1991). Так, во время набега викингов на итальянское побережье в 860 г. епископ и граф г. Луны обещали их вождю Хастингу: «Мы дозволяем вам также, по свободному соглашению между нами и вами, покупать (курсив мой — А.Д.),[#] что вы захотите!» О месте пребывания викингов — воинов и купцов — можно судить по руническим надписям. Для своих военных и торговых походов викинги использовали преимущественно уже сложившиеся торговые магистрали. Некоторые впечатления о такого рода поездке с участием фризских воинов и купцов передает Римберт в рассказе о путешествии Ансгария в Данию и Швецию. На полпути им встретились «разбойные викинги. Купцы на их корабле защищались мужественно и сперва даже успешно; но при повторном натиске нападавшие их одолели; пришлось вместе с кораблем отдать им все свое добро» (Херрман, 1986).

Викинги Рюрика хорошо известны в истории славян под именем русы. По свидетельству арабского географа Ибн-Рустэ в начале X в. русы находились в Новгороде. Помимо войны, «единственное их занятие — торговля соболями, белкой и другой пушниной, которую они продают любому, кто согласится ее купить». Викинги торговали и с народами Кавказа. Уплатив пошлину, русы получали доступ к местным рынкам, где продавали свои товары, приобретая местные для перепродажи на берегах Каспия. Наиболее отчаянные продолжали свой путь в Константинополь (Викинги, 1996).

По предположению Г.В. Вернадского, викинги были хорошо знакомы с аланами. В начале VIII в. аланы испытывали сильное давление со стороны арабов. В поисках новых союзников, аланы нижнего Дона и Приазовья, обратили свои взоры на варягов, появившихся в районе верхнего Донца и освободивших к тому времени донецких асов. Ученый допускает возможность обращения алан к викингам за помощью где-то около 739 г. Весьма вероятным считал Г.В. Вернадский установление контроля скандинавскими дружинами над районами низовьев Дона и Приазовья. «Отряд шведов, контролировавших местные племена асов и рухсасов (русь), не был многочисленным, и постепенно шведы... приняли их название и сами стали известны сначала как асы, а затем как русь». [87]

Ученый обратил также внимание на то, что скандинавские саги полны легенд об асах; они представляли собой часть скандинавской мифологии и входили в число богов под властью Одина. В «Саге об Инглингах» земля к востоку от Дона «называлась Асландом или Асхеймом, а главный город в этой земле назывался Асгард (Асград, т.е. Город асов)». Среди скандинавов получили распространение мужские и женские личные имена Ас (ср.: Асмунд, Аскольд и т.д.) и Аса. Несколько норвежских княгинь IX в. и позднее носили имя Аса.

В свое время П.И. Шафарик в своих «Славянских древностях» отмечал, что скандинавские саги «много говорят баснословного о народе Алан или Аланах... От этих Алан происходил Один, знаменитый герой Скандинавских повестей, которого после Готы и Свеоны причислили к лику богов». Анализируя Эдду, П.И. Шафарик пришел к выводу, что «Скандинавы заимствовали многие религиозные обряды у Алан... Собственное (домашнее, родное) название Алан именно Асы еще в глубокой древности принесено было в Скандинавию скитавшимися Норманнами...»

Распространенной фигурой раннего средневековья был (знатный) воин-купец. Альфред в своем историческом сочинении сообщает о бонде, купце, воине Охтхере из Халогаланда, области в Северной Норвегии. Арабы встречались с балтийскими воинами-купцами на южных торговых путях и перевалочных центрах. Ибн-Фадлан в 922 г. имел возможность наблюдать группу купцов при дворе болгарского царя. «Я видел русов, когда они прибыли по своим

торговым делам и расположились на реке Атиль... У каждого из них имеется секира, меч и нож, и он никогда не расстается с тем, о чем мы упомянули. Мечи их плоские, с бороздками, франкские».

Наряду с Великим шелковым путем, важную роль в европейской торговле играл «путь из варяг в греки». По его маршруту от Волхова до Днепра располагались торговые города. Они нуждались в вооруженной охране торговых путей. Созданные ими собственные дружины для охраны своих караванов были недостаточны для успешной борьбы со степняками. Поэтому славяне прибегали к помощи скандинавов, нанимая варягов для охраны торговых магистралей.

Археологические находки с различных территорий Северного Кавказа свидетельствуют о значительной роли народов региона в торговле Востока и Запада. Хазары и аланы стремились создать для иноземных купцов все необходимые (возможные в то беспокойное время) условия. Например, в Итиле для мусульманских купцов и ремесленников, чувствовавших себя в безопасности, выстроили не только мечети, но и медресе, где дети могли изучать Коран. Каждая из проживавших здесь общин — иудейская, христианская, мусульманская и языческая — имела собственных судей. Эта сложная этническая структура была свойственна для многих городов того времени (в том числе для Киева, вспомним [88] хотя бы летописное сообщение о том, что Святослав «приведе к Киеву ясы и касоги»); из торговых центров Северного Кавказа отметим Семендер (от которого шел прямой путь на Итиль), аланские города (Магас, Нижний Архыз и др.), подконтрольные хазарам и аланам причерноморские центры (Таматарха, Фанагория, Керчь и др.).

Торговые пошлины (десятина) были важнейшей статьёй доходов северокавказских «царей». Контролировать громадные территории иногда с полиэтничным населением даже при эффективной налоговой службе проще, контролируя транзитные пути международной торговли. Этот «секрет» знали и ахемениды, и сасаниды, и Александр Македонский, и славяне, и аланы, и хазары. Аланы и хазары, как неоднократно отмечалось в литературе, являлись важными звеньями ВШП. В караванной торговле на этом пути важную роль играл начальник каравана; он не только субсидировал купцов, но и сам шел с караваном, возглавляя его охрану. Поэтому главы фактически всех территорий, через которые проходили важные торговые магистрали, были заинтересованы в безопасной проводке караванов по контролируемой ими земле. В свою очередь, купцы всячески задабривали местных владык, помимо уплаты пошлин, вероятно, преподносили им «сувениры». Интересно в этой связи отметить, что в памятнике юридической мысли Ирана «Сборнике Ишобохта» (VIII в.) среди основных опасностей, подстерегавших караваны, названы море, огонь, враги и власть.

Пошлины с купцов, очевидно, были очень значительными. Б.А. Рыбаков даже считает, что Хазария являла собой пример «паразитарного государства», ведшего транзитную торговлю и вошедшего в историю только благодаря исполнению функции своего рода таможенной заставы на важнейших торговых путях между Хорезмом и Западной Европой, Персией и Русью, Византией и Волжской Булгарией.

Аналогичная картина, судя по археологическим находкам, наблюдалась и в раннесредневековой Алании. Напомним в этой связи некоторые интересные примеры на эту тему. В Мощевой Балке на р. Большая Лаба в захоронении купца найдены обрывки китайской картины на шелке, образцы великолепных шелковых тканей из Китая, Согда, Ирана и Византии, переплет рукописи; в Алагирском ущелье (Северной Осетии) — серебряный сасанидский кубок; в сел. Лезгор (Северной Осетии) — прибалтийская бронзовая пластина с выемчатой эмалью, бусы из янтаря; в Джераховском ущелье (Ингушетии) — отлитый в VIII в. в

Басре бронзовый орел. Найденные на Центральном Кавказе византийские монеты и ювелирные изделия, шелковые ткани и посуда говорят о прочных связях с Константинополем.

Аланские и хазарские купцы, вполне возможно, являлись не только посредниками последних; не случайно вплоть до IX в. арабские источники именуют рахдонитами, т.е. знатоками путей (Семенов, Сергеев, 1998). [89]

Военная мощь алан использовалась соседними владельцами для охраны торговых магистралей. Так, в стырфазском могильнике на территории Грузии найдены искусственно деформированные черепа, явно относившиеся к аланскому этносу. Индивидуумы с деформированными черепами найдены и в погребениях Армазис-Хеви (Мцхета). Аланскими признаны катакомбы, исследованные сотрудниками Жинвальс-кой экспедиции. В могильнике VI—VII вв. Квемо Алеви (Ленингорский район Южной Осетии) обнаружено погребение мужчины, экипированного особым воинским поясом. Таким образом, в четырех районах Восточной Грузии отмечены следы аланского населения VI—VII вв. К этому следует добавить 14 захоронений того же периода из сел. Едыс Южной Осетии. Среди сопровождающего инвентаря выделим 3 серебряных сасанидских монеты Хормизда IV (579—590 гг.) и Хосрова II (590—628 гг.).

Р.Г. Дзаттиаты (1992) обратил внимание на факт обнаружения аланских памятников в определенных местах — торговых центрах Восточной Грузии. Не исключая возможности переселения в эти города аланских купцов и ремесленников, археолог больше склоняется к признанию этих алан-переселенцев воинами, специально нанятыми центральной властью для охраны торговых путей и торгово-экономических центров.

Ларенок П.А. (Ростов-на-Дону).
Хазария и нижний Дон

Археологические памятники эпохи хазарского каганата на нижнем Дону уже более 250 лет волнуют умы историков и археологов. Первой «археологической» экспедицией по изучению хазарских древностей на Дону можно считать поездку в 1742—1743 г. инженер-капитана Ивана Сациперова для съемки плана и «окапывания» остатков стен Правобережного Цимлянского городища («Буй-городка»).

Наши нынешние представления основываются на работах донских краеведов Х.И. Попова, И.М. Сулина, Б.В. Лунина ..., трудах археологов В.И. Сизова, А.А. Миллера, М.И. Артамонова, И.И. Ляпушкина, С.А. Плетневой, В.С. Флерова, Е.И. Савченко... Основной объем источников по салтово-маяцкой археологической культуре был накоплен к середине 60-х гг. Прежде всего это результаты масштабных исследований Волго-Донской археологической экспедиции под руководством М.И. Артамонова в зоне строительства Цимлянского гидроузла. Фундаментальная работа С.А. Плетневой «От кочевий к городам» стала итоговой для этого периода.

В 70—80-е гг. база источников пополняется. В.С. Флеров проводит археологические разведки в северо-восточном Приазовье и раскопки [90] Семикаракорского городища. Советско-болгарская экспедиция возобновляет работы на Правобережном Цимлянском городище. Е.И. Савченко начинает исследования Крымского городища и могильника. В.Я. Кияшко вскрывает значительную часть культурного слоя VIII—X вв.^{а)} на Раздорском многослойном поселении. Накапливается археологический материал из новоостроечных экспедиций, исследовавших в основном курганные могильники при мелиоративном

строительстве. Главный итог этих работ — открытие серии подкурганых захоронений VII—X вв.

В 90-е гг. по программе инвентаризации памятников археологии Ростовской области картографировано более тысячи новых средневековых поселений. Эта работа не завершена. Финансирование программы, как и многих других по сохранению культурного наследия, прекращено в ходе российских реформ.

Попытаемся изложить доступные нам сведения о хазарских памятниках Нижнего Дона (в административных границах Ростовской области). Картина эта не бесспорна и не совпадает со сложившимися представлениями.

Археологические памятники VII—X вв. позволяют выделить на территории области несколько районов. Отличия между районами в уровне их социально — экономического развития.

1. Район городищ — военно-административный центр каганата. По течению реки Дон от Волго-Донской переправы до Аксайского заимья — полоса протяженностью с запада на восток около 200 км и шириной около 15-20 км. В этот район также входят как бы ответвляющиеся территории в нижнем течении притоков Дона — рек Маныч, Сал, Северский Донец. Здесь концентрируются известные нам городища, селища и грунтовые могильники. Памятники группируются гнездами, когда городище и прилегающие к нему селища окружены как бы ореолом из многочисленных сезонных стойбищ.

А. Городище «Золотые горки» расположено на правом берегу старинного русла реки Дон — Аксае, между станицами Бессергеновской и Мелиховской к западу от впадения в Аксай реки Керчик. Занимает мыс высокой террасы в приустьевой части балки Камышевской, обращенный стрелкой к СВ. Площадь городища около 100*60 м. Памятник открыт Новочеркасской археологической экспедицией (руководитель Раев Б.А.). Раскопки на памятнике проводились в 1986—1987 гг. без «Открытого листа». Научный отчет не представлен. Сохранившаяся часть коллекции и полевой документации хранятся в Таганрогском музее-заповеднике. Судя по этим свидетельствам, на городище прослежены остатки стен, сложенных из рваных известняковых плитчатых камней, шириной до 2 м. Возможно, это остатки привратной части крепости. У стен расчищены два погребения. Керамический комплекс памятника [91] представлен тарной, столовой и кухонной керамикой салтовского облика. Среди обломков тарной керамики выделяются фрагменты красноглиняных пифосов северо-причерноморского производства.

У городища расположена цепочка селищ по первой террасе правого берега Аксае и поселение в приустьевой части балки Камышевской. К Золотым горкам тяготеют поселения VIII—X вв., открытые в бассейне реки Керчик, на островной части между Аксаем и Доном. Возможно, западную границу этого узла маркируют памятники у г. Новочеркаска, у ст. Заплавской.

Б. Сухой Донец, х. Крымский и округа. Центральная часть комплекса расположена на высоком правом берегу старичного русла Дона — реки Сухой Донец в нижней части Крымской балки. Одно из первых описаний древностей у х. Крымский принадлежит полковнику Василию Михайловичу Пудавову: «Здесь, при постройках жилищ, находили в земле тесаные камни известковой породы, составлявшие, судя по широте кладки, в одних местах античную мостовую, а в других — стены зданий; много вырывали черепков больших глиняных сосудов, употреблявшихся в древности для хранения вина». В настоящее время считается, что под хутором Крымским находится 1-е городище, где в 1905 г. геолог В.В. Богачев обнаружил остатки керамического водопровода, а в 1963 г. экспедиция Ростовского государственного университета зафиксировала на усадьбе одного из жителей шесть больших пифосов и остатки

каменного жилища. Второе городище расположено к СЗ от первого по левому борту Крымской балки. У юго-западной окраины х. Крымский в 1975—1979 г. Е.И. Савченко раскапывал синхронный им могильник, вскрыто 140 погребений. По его данным комплекс городищ дополняют четыре неукрепленных селища. Фортификация крымского комплекса не изучена. Не ясно, использовался ли камень для сооружения стен на первом Крымском городище. Для второго крымского городища Е.И. Савченко предполагал эскарпирование склонов оврагов вокруг площадки мыса.

Округа крымского комплекса, видимо, охватывает селища на излучине Сухого Донца, от устья Северского Донца до станицы Раздорской, и остров, на котором расположена современная станица Кочетовская.

В. Усть-Сальский комплекс. Семикаракорское городище. Это гнездо памятников занимает левобережье р.Дон у впадения в него реки Сал. Поселения и кочевья концентрируются вокруг Семикаракорского городища. Округа городища изучена слабо. Салтовские кочевья и поселения по течению р. Сал разведаны С.А. Плетневой. Выделяется среди них Кузнецовское поселение на левом берегу реки, на мысе первой террасы, на котором, как и на Семикаракорском городище, отмечены следы железодельного производства. На городище металлургические шлаки были найдены В.С. Флеровым в 1973 г. при раскопках башни. [92] На Кузнецовском поселении шлаки были нами собраны в 1973 г. при осмотре памятника.

Наименее изучена широкая пойма левобережья р. Дон. В 1998—1999 гг. экспедиция Донского археологического общества (руководитель Цыбрий В.В.) вела, исследования кочевья VIII—X вв. «Тополиха» на СВ окраине г. Семикаракорска, в зоне строительства осетрового завода. Погребальные комплексы из этих раскопок можно сопоставить с салтовскими погребениями, открытыми у ст. Багаевской на левом же берегу р. Дон М.И. Артамоновым в Артугановском урочище и С.Н. Братченко при строительстве шоссе «Ростов-на-Дону — Цимлянск».

В 2000 г. работами археологической экспедиции областной инспекции по охране и эксплуатации памятников истории и культуры выявлен аналогичный могильник в Монастырском урочище близ Старочеркаска.

Семикаракорское городище — первые раскопки, видимо, проведены В.И. Сизовым в 1883 г. В 1971—1974 гг. памятник исследовал В.С. Флеров. Приведем общую характеристику городища, сопоставив описания В.М. Пудавова и В.С. Флорова. С юга и запада изгибистые колена Сала, а с севера Дон, образуют значительный кут (заливной луг), ограждавший некогда существовавший тут город; с востока же лежит открытая низменная равнина. Городище расположено на плоской возвышенности (на грядине, как называют казаки подобные места), имеющей крутой спуск к Салу. План его составляет фигуру пятистороннего полигона, образуемого большим валом, три бока, саженой по сто в длину, а четвертый составлен из двух меньших линий. С северной, южной и западной сторон заметны следы ворот. На валу в трех местах видны основания башен из кирпича. На стороне же, обращенной к реке, при самом вале, находится весьма большой курган с признаками кирпичной постройки. В середине этой ограды есть следы замка четырехугольной, почти квадратной, фигуры с башнями; в замке приметны остатки фундамента большого здания, составлявшего или дворец, или храм. Недалеко от замка, в ограде вала колодезь. Вне вала, с северной стороны, еще приделок укрепления четырехугольной фигуры. Против городища, на обоих берегах реки, в воде находятся тесаные, большие камни, показывающие место существования тут моста. Вокруг городища земля перемешана с черепками глиняной посуды и в некоторых местах с золою. Семикаракорское

городище — один из самых больших памятников крепостной архитектуры Хазарского каганата. Основу крепости составляет прямоугольник размерами примерно 250*250 м. К северной стене его примыкают два больших овальных выступа, значение которых не совсем ясно. В северо-восточном секторе расположена квадратная цитадель размером 90*90 м. В настоящее время контуры крепости и ее цитадели прослеживаются в виде расплывшихся, не более одного метра высотой «валов», скрывающих остатки кирпичных стен. [93]

Все оборонительные стены (их выявлено четыре) имели одинаковую конструкцию. Массив стен состоит из сырцовых кирпичей, а внешние и внутренние поверхности покрыты панцирем из обожженного кирпича. Общая толщина стен около 2,3 м. Стены возведены без фундамента. Лишь в основании северной крепостной стены лежит один слой обожженного кирпича. Но назвать его фундаментом нельзя.

Внутри цитадели, в шести метрах от южной стены, выявлена вторая, параллельная ей стена. Не исключено, что она прикрывала находившееся здесь ворота, ведущие из крепости в цитадель.

Характеристику городища дополняет М.И. Артамонов: «Загадочной особенностью Семикаракорского городища является кольцевой вал со рвом, находящимся внутри обведенного им пространства, расположенный вблизи основного квадратного укрепления, к северу от него».

Г. Остров Куркин. Этот остров расположен на р. Дон близ станицы Ново-Золотовской, почти напротив места впадения в Дон реки Северский Донец. Северо-восточная часть острова имеет заметное возвышение, описанное донским краеведом Е.П. Савельевым как городище. Исследования этого памятника в последние годы ведет М.И. Крайсветный. Первые результаты раскопок были доложены им на VII Донской археологической конференции в 1998 г. Выдвигается гипотеза о существовании на перекрестке водных торговых путей крупного военно-таможенного центра. В комплексе с островным городищем рассматриваются каменные стены в приустьевой части Северского Донца. Эти стены известны в описании начала 19 века инженера А.Л. Де-Романо.

Д. Прицимлянский комплекс. Литература по этому комплексу огромна. Археологические исследования тесно связаны с локализацией крепости Саркел, описанной Константином Багрянородным и русского города Белая Вежа. Большая часть памятников этого узла затоплена при сооружении Цимлянского водохранилища. Открытие в 90-е гг. городища Саркел-3 во многом меняет наши представления об этом районе.

Таковы в общих чертах основные гнезда памятников этого района по течению р. Дон. Рассмотрим теперь его ответвления по донским притокам.

Е. Северский Донец. Рыгинское городище. Это самый северный пункт района. С.А. Плетнева относит его к группе поселений с земляными укреплениями: «...здесь даже самые жалкие остатки земляных укреплений полностью уничтожены многолетней распашкой. Судить о поселении мы можем только по описанию Ив. Тимощенко, обследовавшего памятник в начале нашего века. Большое (около 500 м в поперечнике) городище расположено на мысу правого берега Северского Донца и укреплено с напольной стороны земляным валом и рвом. Было ли рядом с ним неукрепленное поселение, остается неясным. Однако, до Ив. Тимощенко на памятнике работал В.И. Сизов. В протоколах [94] императорского археологического общества читаем: «Последнее исследование было сделано г. Сизовым у станицы Каменской, лежащей на р. Донце. Городище, находившееся близ этой станицы, скорее походило на оставленное кочевье, чем на городище в известном значении этого слова». Наиболее яркое описание этого памятника принадлежит В.М. Пудавову: «По р. Донцу, выше

Крымского городища верст 90, находится при балке Рыгиной, место жилья с полевым укреплением. Ограда его состоит из вала неправильной фигуры, образующейся прямыми линиями в виде эллипсиса. В ограде множество бугров и ям с золою и черепками глиняной посуды. Не далеко от этого укрепления есть особый длинный дугообразный вал, как видно прикрывавший с юга описанное жилье».

Округа городища не исследована. Рыгинское городище можно считать опорным пунктом по водному пути от Дона к северо-западным центрам Хазарского каганата в среднем течении р. Северский Донец.

Ж. Река Маныч. Великокняжеское городище. Расположено на правом берегу реки Маныч, на лимане Чепрак Пролетарского водохранилища, территория г. Пролетарска (бывшая станция Великокняжеская). Хорошо забытый памятник, археологически не обследован. Был обнаружен при строительстве в конце прошлого века железнодорожной линии Царицын — Тихорецкая. Едва ли не последнее упоминание о нем в современной литературе принадлежит М.И. Артамонову, который сообщает о находках 16-ти амфор, кирпичей квадратной формы, круглого глиняного кувшина с двумя ручками, жернова, медной круглой гирьки и других предметов. Часть этих амфор сохранилась в коллекции Новочеркасского музея.

Долина реки Маныч слывет зоной погибших археологических памятников. Действительно, в 30-е годы во время строительства каскада водохранилищ было уничтожено огромное количество археологических объектов. Научные исследования были минимальны.

В начале 80-х гг. Приморским отрядом археологической экспедиции Азовского музея (руководитель Беспалый Е.И.) была проведена археологическая разведка по обоим берегам реки Маныч от Веселовского водохранилища до устья. Выявлено несколько десятков памятников, среди которых значительна доля кочевий и поселений VIII—X вв. На наш взгляд, Маныч можно рассматривать как одну из основных транспортно-торговых артерий каганата, связывавшую Северный Кавказ с нижним Доном и Приазовьем.

3. Река Сал. Мартыновский комплекс. С юго-востока район замыкало крупное поселение, возможно городище, в настоящее время застроенное поселком Большая Мартыновка. Одно из первых упоминаний о Мартыновском поселении, со ссылкой на записки А.А. Мартынова, приводит В.М. Пудавов. Он размещает его на правом берегу р. Сал, подчеркивая, что оно уничтожено при построении здесь Мартыновыми [95] слободы, которая и называлась в народе городищенской. В 60-е гг., из Большой Мартыновки, В.М. Косяненко в Ростовский областной музей краеведения были доставлены фрагменты крупного серолощеного трехручного кувшина, найденные при строительных работах. Для района городищ многие вопросы не решены. Не ясно соотношение городищ с селищами и кочевьями. Хронология памятников также далека от разрешения.

Среди сезонных стойбищ района загадкой остаются комплексы, выявленные при раскопках курганных могильников. Это группы так называемых хозяйственных ям, впущенных в курганные насыпи. В части ям зафиксированы погребения собак и людей. В некоторых случаях отмечается круговое построение ям на насыпи кургана. Известны они в долине реки Маныч, на правом берегу Дона, в бассейне реки Керчик, на левобережье Дона у цимлянского комплекса, в дельте Дона. Попытки осмыслить эти ямы на курганах строятся по двум направлениям: а) ритуальные памятники и б) остатки сезонных стойбищ.

Концентрация городищ по нижнему Дону, на наш взгляд, связана с системой кочевания, которая сложилась с середины VII века, после включения этой территории в состав Хазарского каганата. Сезонные передвижения кочевников складываются как бы на двух уровнях. Первый уровень — это кочевание болгарских племен, которые после завоевания их хазарами теряют

часть традиционных территорий для ведения хозяйства. Второй уровень — кочевья завоевателей хазар. Отметим, что перекочевки подразделений господствующего этноса в степных империях — это не только форма ведения хозяйства, но и форма управления подчиненными территориями. Археологически, с хазарами большинством исследователей отождествляются курганы с «квадратными ровиками». По этим погребальным памятникам хазарские кочевья занимают территории, на которых с середины VIII века формируются как район городищ, так и ряд районов в Подонье с большой степенью оседлости населения. Наибольшая концентрация хазарских курганов отмечена у прицимлянского гнезда.

Сложение района городищ можно отнести к середине VIII века. Строительство городищ на нижнем Дону, на наш взгляд, связано с переносом административных центров Хазарии из Дагестана в ходе войн с арабами. Так, в Поволжье появляется новая столица — Итиль. Дон становится вторым политическим центром, летней ставкой кагана.

Формирование «района городищ» было не одноразовым актом. Постройка кирпичной крепости Саркел в 30-е гг. IX века, видимо, было завершающим этапом. Крепости на нижнем Дону заменили административные центры из кочевых ставок, сложившиеся в VII веке. Наличие крепостей в центральных областях каганата, далеко от границ ставило перед исследователями вопрос — «против кого они были построены?». Нам представляется, что в укреплениях хазарского административного [96] центра на Дону большую роль сыграла инерция традиции. На донской земле воспроизводились сооружения, ранее существовавшие на Северном Кавказе. Крепости разнотипны. Каждому городищу нижнего Дона по планировке, строительному материалу и т.д. подбирается аналог на Северном Кавказе.

Нижний Дон как военно-административный центр каганата был полиэтничным. С Северного Кавказа перемещается часть ремесленного населения, что определило «взрыв» керамического производства и быстрое насыщение степи глиняной посудой, которая с середины VIII века маркирует все типы поселений и сезонных кочевий. Хорошо известны сведения о тюркском (гузском) гарнизоне Саркела. На Дон переселяются и жители с северного пограничья каганата — славяне. С конца IX века происходит замещение на многих традиционных кочевьях «аборигенов» — печенегами. Археологически это фиксируется в появлении у стойбищ подкурганых захоронений с новым обрядом. У Саркела складывается курганный могильник.

2. Кочевые районы и зоны оседлости. Район городищ окружают территории кочевий, кратковременных стойбищ. На подавляющем большинстве памятников культурный слой не сохранился. С юга — это степные пространства за левобережьем р. Сал. Материалы, собранные краеведом из г. Зимовники В.Г. Лушиным со стойбищ в долине реки Куберле, по составу теста лепной и столовой керамики позволяют предположить, что кочевание в Сальских степях проходило в меридиональном направлении. Конечными точками маршрутов перекочевков были с юга — предгорья Северного Кавказа, с севера левый берег среднего течения реки Сал.

С севера от района городищ зона кочевий охватывает платообразное водораздельное возвышение между рекой Дон и притоком Северского Донца — рекой Белая Калитва. С востока эту зону ограничивает долина р. Чир, а с запада — Северский Донец.

По реке Белой Калитве и ее притокам, а так же по нижнему течению реки Чир выделяются зоны, где сосредоточены селища с хорошо выраженным культурным слоем.

Таким образом, в большой излучине Дона наметились районы по Белой Калитве и Чиру, где проходило оседание кочевников.

Как зона преобладания кочевого хозяйства, по разведочным сборам, выглядит междуречье Белой Калитвы и Деркула. Это — своеобразная буферная полоса между зонами оседания кочевников по Белой Калитве и в Среднедонецье.

3. Северо-восточное Приазовье. Кочевники и «маятниковая» торговля. Побережье Таганрогского залива и дельта р. Дон хорошо известны по археологическим разведкам. Первые результаты сборов были обобщены М.А. Миллером и подтверждены сборами Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК А.А. Миллера. В 50-е — 60-е гг. на северном [97] побережье Таганрогского залива Н.Д. Праслов открывает ряд новых памятников. На части из них С.А. Плетнева провела небольшие раскопочные работы.

В то же время разведочные работы И.С. Каменецкого по р. Кагальник и Л.М. Казаковой по р. Мокрая Чумбурка, проведенные в начале 60-х гг., оказались забытыми и обнаруженные ими средневековые памятники не учитывались в сводках салтово-маяцких древностей.

Основные сведения о памятниках VIII—X вв. в северо-восточном Приазовье собраны В.С. Флеровым в разведках 70-х г.г., и нами, в начале 90-х г., при проведении инвентаризации памятников археологии. В 1995 г. В.А. Ларенок было исследовано более 1000 квадратных метров территории стойбища Ломакин 4 на правом берегу Миусского лимана. Значительные по площади раскопки В.К. Гугуева на Нижне-Гниловском некрополе в 1988—1991 г. раскрыли и большую часть поселения VIII—X вв.

В целом район северо-восточного Приазовья можно оценивать как классический пример развития кочевого хозяйства в рамках «степной империи». Вхождение территории в Хазарский каганат привело к упорядочению маршрутов сезонных перекочевок, выделению зимников и летников. Хозяйственные циклы приазовских кочевников оказываются прочно связанными с меновой торговлей с Причерноморьем, с Крымом. Побережье Таганрогского залива выглядит как сплошная «полоса обитания», фиксируемая археологами преимущественно по обломкам амфор. Рыба, икра и продукты кочевого хозяйства в течении навигации на море обменивались кочевниками на крымские вина, определяя «маятниковый» характер торговли. Парадокс развития этого района состоит в том, что в придельтовом районе Дона не возникает крупного торгового центра, как это было в античности и позже в золотоордынское время. Возможно, объяснение этому кроется в том, что Нижний Дон был глубинным районном каганата. Хазарские военно-административные центры на Дону появляются довольно поздно и возникают не столько на пересечениях крупных торговых артерий, а на местах сезонных кочевий.

Плужник Д.А. (Нижний Архыз).

**О некоторых находках в окрестностях Н-Архызского и Кяфарского городищ
(к вопросу о дохристианских верованиях алан)**

Ареал находок, свидетельствующих о различных верованиях алан ограничивается нами Нижне-Архызским и Кяфарским средневековыми поселениями. Археологические экспедиции, проводимые на этой территории в последние полтора десятилетия, собрали материал, количественный и структурный анализ которого может помочь приблизиться к решению проблемы дохристианских верований алан.

Предметы, происходящие из обследованных скальных погребений указанной территории, около 300, объединены в шесть комплексов. Из них нами выделено XII групп, и большинство их них напрямую связано с языческими верованиями аланского населения в VI—IX вв.

IV, V, и X группы находок (оружие и его элементы) составляют примерно 17 % от общего количества. Ограниченное число предметов этой категории объясняется не только плохой сохранностью и ограбленностью погребений. Возможно, это явление объясняется символизацией погребального инвентаря. Элемент символизации свидетельствует о магической нагрузке данной категории находок.

Наличие подобных находок объясняется, по-видимому, бытованием общеаланского культа воина-всадника и культа боевого меча. Упоминание об этом божестве встречается в осетинском эпосе «Нарты». К названной категории можно отнести и такие артефакты, как детали колчанов и лука, элементы мужского костюма и конской упряжи. Вместе с тем, эти предметы встречены в упомянутых скальных погребениях нечасто, что можно объяснить ограбленностью захоронений и плохой сохранностью железных вещей.

Другой популярный культ, причисляемый к аланским семейно-родовым культам, — почитание богини домашнего очага, материального символа семейной общности. На рассматриваемой территории из вестно пока одно изображение, связанное с культом. Это изображение надочажной цепи на Западной стене Кяфарской аланской гробницы, датируемой XI—XII вв

Другой аспект данной проблемы — возможное бытование у алан еще более древнего культа тотемов обожествляемых животных. В качестве [101] возможных культовых животных, почитаемых у алан и других ираноязычных народов, принято считать медведя, оленя, волка, коня, птиц. Среди находок в скальных могильниках Нижне-Архызского городища выделяются группы VI и XII, которые имеют определенную связь с почитанием диких и домашних животных.

Присутствие амулетов «раковина каури» среди погребального инвентаря подтверждает гипотезу о бытовании культа змеи у алан, а также осетин. Кроме этого, подобные амулеты использовались в профилактической и лечебной магии.

Почитание другого животного — оленя подтверждается различными находками, в частности, большим количеством изображений этого животного на культовых камнях Кяфарского городища. 31 % всех изображений, найденных на этом городище, связано с оленем. Эти животные изображены единично, группами, с всадниками, а также с символом креста между рогов. Некоторые исследователи (Аржанцева И.А. и Албегова З.Х.) пришли к выводу, что эти рисунки — одно из древнейших изображений св. Евстафия. Его связывают с осетинским богом охоты и диких животных Авсати).

Аксёнов В.С. (Харьков).

Контакты венгров с аланами в IX веке — взаимопроникновение культур

В своем движении на запад древние венгры на некоторое время останавливались в Леведии, располагавшейся, как предполагает ряд исследователей, в лесостепной части бассейна Среднего Дона (Халикова Е.А., 1981), где они жили вместе с хазарами, участвуя в качестве их союзников во всех войнах (Константин Багрянородный, гл. 38). Именно на этой территории венгры впервые вступили в контакт со славянскими племенами (Москаленко А.И., 1972). Здесь же венграми было заимствованно значительное количество тюркских и аланских слов (Эрдели И., 1984). Однако определение собственно древневенгерских памятников как в Подонье, так и на всей территории от Южного Приуралья и Среднего Поволжья (MAGNA HUNGARIA) до Паннонии в целом связано с огромными трудностями. В настоящее время на территории между Доном и Дунаем известен ряд погребений, связываемый с венграми: Воробьево Воронежской

обл. (Эрдели И., 1984), Твердохлебы Полтавской обл. (Приймак В.В., Супруненко А.В., 1994), Манвеловка и Коробочкино Днепропетровской обл. (Чурилова Л.Н., 1986, Чурилова Л.Н., 1990), могильник у с. Субботицы Кировоградской обл. (Бокий Н.М., Плетнева С.А., 1988). Эти погребения являются своеобразными маркерами маршрута движения венгров в Паннонию и их пребывания, в Ателькузе (Манвеловка, Коробочкино, Субботицы). Памятники, которые можно было бы отнести ко времени проживания венгров в Леведии, пока не известны. Это, вероятно, можно объяснить тем, что, находясь в роли союзников хазар, венгры оказались под [113] влиянием салтовской моды. И таким образом они как бы растворились среди подданных Хазарского каганата.

Однако элементы культуры древних венгров нашли отражение в материальной культуре народов входивших в состав каганата, в том числе и в культуре аланского населения бассейна Северского Донца. Так, в катакомбе № 5 Верхнесалтовского IV катакомбного могильника (Бородулин В.Г., 1990) был обнаружен поясной набор, состоящий из пряжки, 22 серебряных штампованных бляшек салтовского типа и одного серебряного штампованного наконечника. Наконечник пояса размером 3,0*1,5 см украшен по краям выпуклым бордюром, состоящим из чередующихся овальных и круглых звеньев. Такой бордюр является отличительной чертой венгерских поясных наборов. К тому же в поле наконечника находилось выпуклое изображение сидящего грифона. Данный наконечник является полной аналогией лицевой стороне литого серебряного наконечника из погр. № 23 Больше-Тиганского могильника (Халикова Е.А., 1976). В катакомбе № 56 того же могильника найден серебряный штампованный наконечник пояса размером 2,8*1,8 см украшенный по краю типичным для венгерских поясов бордюром из чередующихся круглых и овальных звеньев, хотя поле наконечника было орнаментировано растительным орнаментом классического салтовского типа. Из этой катакомбы происходит второй поясной набор, в составе которого находилась литая серебряная рамчатая поясная бляшка салтовского типа, украшенная по краю орнаментом в типично венгерском стиле.

Бордюром в виде цепочки из круглых звеньев, как это имело место на некоторых поясных бляшках из погребений Больше-Тарханского могильника, были орнаментированы и серебряные штампованные бляшки из катакомбы № 40 Верхнесалтовского I (основного) могильника. Поле данных бляшек было украшено изображением сидящего по-восточному человека (Аксенов В. С., 2000), которое находит близкие аналогии в изображениях людей с бляшек и пряжки поясного набора из венгерского погребения у с. Субботицы (Бокий Н.М., Плетнева С.А., 1988). Таким образом, можно предположить, что в результате контактов с венграми, для которых характерны литые серебряные элементы поясной гарнитуры, у социальной верхушки аланского населения Северского Донца с 20-30 гг. IX в. входят в моду серебряные штампованные поясные наборы. В то же время основу салтовских поясных наборов продолжают составлять исключительно бронзовые литые поясные пряжки, бляшки и наконечники.

Консерватизм погребального обряда позволяет нам выделить если не собственно погребения венгров на грунтовых могильниках Подонцовья, то хотя бы указать на те захоронения, в которых отмечены элементы венгерского, более широко — угорского, погребального обряда. Наиболее близко, по погребальной обрядности, к захоронениям венгров [114] стоит погр. № 37 могильника у с. Лиманское Озеро (Татаринев С.И., 1987). Оно характеризуется западной ориентировкой погребенного, присутствием в головах человека остатков жертвенной пищи в виде кости лошади и одноручного кувшина, наличием у левой ноги человека в подбое стремян, сбруйных пряжек, оковок седла, украшений ремней сбруи, а также черепа коня, ориентированного резцовой частью на запад, двух передних ног коня, отрубленных ниже колен. Череп и кости ног коня встречены в захоронениях и других

могильников бассейна Северского Донца — Волоконово озеро I (Татаринов С.И., Копыл А.Г., Шамрай А.В., 1986), Дроновка III (Татаринов С.И., Копыл А.Г., 1981).

Интересен в этом плане грунтовой Нетайловский могильник, расположенный на противоположном берегу р. Северский Донец, напротив Верхнесалтовского археологического комплекса. На могильнике обнаружено 10 захоронений, в которых целый костяк коня, череп и кости ног коня вместе со сбруей или только конское снаряжение были помещены в специальные ниши-подбои, сделанные в коротких стенках могильных ям. Такие ниши-подбои, с помещенными в них свернутой шкурой коня, конским снаряжением, изредка встречаются на могильниках Среднего Поволжья. Подбои и восточная ориентировка погребенных, характерные для захоронений Нетайловского могильника, приписываются древним венграм (Танкеевский могильник). Сближает Нетайловский могильник с некрополями древних венгров и расположение погребений рядами, тогда как данная черта погребального обряда не характерна для болгарских могильников салтово-маяцкой культуры. Влияние на население, которое оставило этот могильник, аланско-го погребального обряда нашло отражение в появлении у него погребений с помещенным в нишу-подбой вместо свернутой шкуры коня целой конской туши (погр. № 23, 53, 127).

Все это позволяет предположить, что лесостепные районы бассейна Северского Донца были частью летописной Леведии венгров, и именно здесь контакты венгров с носителями салтово-маяцкой культуры были наиболее тесными.

Пьянков А.В. (Краснодар).

Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа

Первый раз касоги упомянуты в летописи под 965 годом, в связи с походом князя Святослава Игоревича на хазар (ПСЛ). Под 1022 годом летопись сообщает, что, тмутороканский князь Мстислав Владимирович победил в единоборстве касожского князя Редедю и подчинил себе этот народ. В ледующем, 1023 году касоги упомянуты в войске Мстислава, выступившего против старшего брата князя Ярослава Владимировича (Там же). А под 1066 годом помещено известие о сборе дани с касогов князем Ростиславом (Там же). Касоги русских летописей предстают достаточно сплоченным и воинственным народом, но, вероятно, не многочисленным. Они подчиняются одному князю и проживают недалеко от Таманского полуострова. Дополнительные сведения об этом народе можно найти в иноязычных сочинениях.

Первое упоминание о касогах принадлежит перу арабо-персидского автора Масуди, который в своем историко-географическом труде Мурудж-ад-Дзахаб («Россыпи золота») отметил: «За царством аланов находится народ называемый кашак и живущий между горой Кабх и Румским морем». (Минорский В.Ф., 1963). Кашаки по Масуди прекрасны [117] наружностью, имеют развитые ремесла и торговлю, но у них нет единства, а от набегов алан их спасают крепости на морском берегу. Автор называет их прибрежной нацией и отмечает их многочисленность (Там же). Масуди использовал более ранние источники и сам указал в тексте, что его труд завершен в 943 г. (Там же).

Автор трактата «Об управлении империей» византийский император Константин знает страну Касахию на Северо-Западном Кавказе, и помещает ее между Зихией и Аланией (Константин Багрянородный, 1989). Багрянородному известно о набеге алан, но страдают от них, по его сведениям, зихи, а касахов он никак не характеризует (Там же). Труд императора

составлен около 950 г., но опирается на сведения более раннего времени, вероятно 30-х годов X века (Гадло А.В., 1994).

В письме хазарского царя Иосифа к кордовскому вельможе Хасдаю ибн-Шафруту, где сообщаются сведения о Хазарии, среди перечня народов платящих дань хазарам упоминаются «...все живущие в стране Каса...» (Коковцев П.К., 1932). Судя по контексту, страна эта помещается рядом с аланами и Абхазией, то есть на Северо-Западном Кавказе. Основное ядро письма относится к 60-м годам X века (Там же).

Анонимный автор конца X века, среди прочего, пишет о богатом купеческом городе Касек, расположенном на берегу Черного моря в стране алан (Худуд ал-Алем. 1930).

В научной литературе встречаются ссылки на более раннее упоминание касогов в армянских, византийских и грузинских сочинениях, но эти сведения не выдерживают критики. Например, косогиане монаха Епифания писавшего в конце VIII — начале IX веков появились в результате ошибки переписчика, о чем есть информация у исследователя этого текста (Васильевский В.Г. 1909).

В науке сложилось прочное мнение, что касоги/касахи/кашаки, упоминаемые в письменных источниках X века и позднее, вместе с родственными им зихами, являлись предками современных адыгов (См. Лавров Л.И., 1955; Волкова Н.Г., 1973; Алексеева Е.П., 1992; Гадло А.В., 1994). Эти выводы сделаны преимущественно на ономастическом материале. До настоящего времени осетины называют кабардинцев — кесег/кесгон; близко ему сванское название адыгов и т.д. (Волкова Н.Г., 1973). Только у самих адыгов не сохранилось подобного самоназвания. Возможно, отголосок забытого этнонима сохранила одна родословная книга, использованная для написания «Истории адыгейского народа», в которой сообщается о прадеде знаменитого князя Инала, носившего имя Кес (Ногмов Ш.Б. 1982).

Попытки локализовать Касахию предпринимали многие исследователи. Как правило, они опирались на сведения Масуди и Константина Багрянородного, как наиболее информативные и достоверные. По Е.П. Алексеевой Касахия охватывала северные склоны кавказского хребта от бассейна Малой Лабы до предгорий Западного Закубанья [118] (Алексеева Е.П., 1954). По Л.И. Лаврову касоги занимали все пространство от реки Лабы до берегов Черного моря (Лавров Л.И., 1955). Иначе определил границы Касахии Н.Г. Ловпаче, локализовав касогов в верховьях Лабы и Белой (Ловпаче Н.Г., 1978).

Наибольший интерес представляет работа В.Н. Каминского, который посвятил этнической карте Северо-западного Кавказа отдельную статью (Каминский В.Н., 1993). Его работа основана на детальном анализе письменных источников, данных географии и топонимики. По В.Н. Каминскому зихи занимали Черноморское побережье от п. Новомихайловского до старого русла Кубани; область Папагия с нефтяными источниками соответствует территории современного Крымского района; Касахия занимала территорию к востоку от Папагии вплоть до реки Псекупс, а восточнее простиралась Алания (Каминский В.Н., 1993). Таким образом исследователь локализовал касогов в Западном Закубанье и в примыкающих к нему с востока районах Центрального Закубанья. Проверим как эта, наиболее аргументированная локализация касогов согласуется с археологическими памятниками региона.

Но сначала вернемся к письменным источникам. Масуди среди прочего сообщает, кашаки исповедывают религию магов (Минорский В.Ф., 1963). В.Ф. Минорский, комментируя эту фразу, писал, что мусульманские авторы называли огнепоклонниками русов и норманов, неправильно истолковывая их обычаи сжигать мертвых. И далее замечает: «Я не мог выяснить, существовали ли подобные обычаи у черкесов, среди которых ко времени Масуди были и христиане» (Минорский В.Ф., 1963).

Сегодня мы можем ответить на вопрос, поставленный В.Ф. Минорским, положительно. На анапско-геленджикском побережье, в Западном Закубанье и в западных районах Центрального Закубанья вплоть до устья реки Псекупс выявлено более 17 могильников второй половины VIII — IX веков, где сожженных на стороне умерших хоронили в небольших ямах в урнах или без них (Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1998). Эти могильники занимают компактную территорию: северной границей служила река Кубань, южной — северные склоны Кавказского хребта, западной — берег Черного моря, а восточной — река Псекупс. Погребения этого обряда получили в научной литературе название: сожжения (или кремации) типа Дюрсо (Дмитриев А.В., 1979). Вероятно, именно эти могильники были оставлены касогами/касахами/кашаками письменных источников.

На первый взгляд заметно противоречие ареала кремационных могильников типа Дюрсо с локализацией касогов предложенной В.Н. Каминским, поскольку западные границы его Касахии не соответствуют западной границе распространения кремационных могильников. Но это противоречие устраняется, если предположить, что в первой половине X века территория касогов сократилась на западе из-за [119] передвижений зихских племен из более южных районов на север, вплоть до старого русла Кубани, где-то в конце IX — в начале X веков, после чего они заняли не только морское побережье, но и отстоящую далеко от берега Папагию. Это предположение вполне согласуется с сообщением Константина Багрянородного о расселении зихов и касогов. Последние должны были первыми испытать на себе силу аланских набегов, которые привели к ослаблению касогов и к сокращению их численности (Пьянков А.В., 1994). Могильников с кремационными погребениями X века известно немного (Бугайский бугор, Казазово 2, Псекупский и др), но к концу века сожжения начинают распространяться за пределы Касахии Багрянородного на запад, восток и даже на северный берег реки Кубань.

Сожжения типа Дюрсо по материальному облику принадлежат к салтово-маяцкой археологической культуре (культуре Хазарского каганата), и находят многочисленные аналогии погребальному обряду и инвентарю в материалах синхронных им могильников бассейна Северского Донца (кремации типа Новопокровки) (Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 1998). Кремации типа Дюрсо не имеют корней да Северо-Западном Кавказе в предшествующий период и не могут быть признаны автохтонным кавказским народом (Дмитриев А.В., 1978). Очевидно, носители кремаций этого типа, как на Кубани так и на Северском Донце связаны со степными культурами и имеют тюркское или угорское происхождение. Вероятно, обе группы были частью одного этноса и носили общее для них имя — касоги/касахи/кашаки. В дальнейшем автохтоны зихи интегрируются с пришельцами касогами и постепенно ассимилируют их.

Эта гипотеза позволяет по-новому взглянуть на этнические процессы происходившие на Северо-Западном Кавказе в прошлом. В частности, следует поставить на повестку дня вопрос о значительном участии степных народов Хазарии в этногенезе современных адыгов.

***

Новая аланская тамга из Центрального Предкавказья

А.А. Туаллагов (Владикавказ)

В 2002 г. совместной археологической экспедицией СОИГСИ и СОГОМИАЛ было вскрыто отдельное конское погребение на аланском катакомбном могильнике у с. Даргавс в Северной Осетии. В нише, расположенной в южной продольной стенке погребальной ямы, были обнаружены предметы конской сбруи. В их число входили серебряные круглые и

миндалевидные фалары, начельник в виде цилиндрической трубки на широкой пластинчатой основе. Аналогичные наборы известны по материалам аланской катакомбы V могильника у с. Кобан, расположенного, примерно, в 10 км от Даргавского могильника, а также погребений из Верхнего Салтово VIII-IX вв. н.э. Данной датировке не противоречат и другие предметы конского снаряжения. Четыре миндалевидных фалара по периметру украшены пуансоном, которым в центре каждого была нанесена тамга. Учитывая определенную небрежность при нанесении, на фаларах представлены две тамги (по одной на каждой паре). Их пространственная ориентация надежно определяется по фиксации крепления самого фалара. Традиция нанесения на конскую сбрую тамги, которая могла дублироваться непосредственным нанесением знака на тело коня, известна у ираноязычных кочевников более раннего периода и в материалах, связанных с их влиянием (Кобяково, курган 10; Волга-Чограй XXXVII, курган 1/1; Chersonessos, 1929 г.; Нейзац, Neapolis; Камышевский I, курган 8; Котлубань, курган 2; Кировский I, курган 1/2; Центральный VI, курган 16; Высочино I, курган 25/1; Новый, курган 67/4; Воздвиженская; Фомин I, курган 2/2; Копанешхо; комплекс Е. Запорожского, 1891 г., склеп 1841 г. и серебряная узда (Боспор); Мартыновка). Отмечаются и соответствующие деревянные имитации узды (Афрасиаб (Самарканд); Туэкта, курганы 1, 2; Пазырык, курганы 3, 5; Башадар, курган 2; Шиббе; Уландрык IV (пазырыкская культура Южного Алтая). У позднесредневековых алан аналогичные примеры достоверно не установлены. Следует полагать, что даргавский образец является первым надежным подтверждением продолжения такой практики у алан.

При первом же взгляде обе тамги, несомненно, свидетельствуют об их тесной связи между собой, что может указывать, как представляется, на их принадлежность одному роду, а различия свидетельствуют о выделении личного знака или знака отдельной семьи. Как среди средневековых аланских тамг, так и среди тамг ираноязычных кочевников более ранних периодов точных аналогов не известно. Не известны они и по этнографическим материалам современных народов Северного Кавказа. Даргавские тамги отличаются друг от друга тем, что на одной в ее средней части представлен один отрезок, тогда как на другой два практически параллельных. В свою очередь, данное наблюдение, вероятно, позволяет считать отрезок центральной части отдельным элементом знака, а, следовательно, сам знак состоя[191]щим из трех элементов: 1. Верхний - круг с точкой в центре; 2. Средний - отрезок или два отрезка; 3. Нижний - "птичка". Практически каждый из указанных элементов был представлен в качестве самостоятельной тамги в более ранние периоды.

Если считать основой верхней части знака круг, то такой знак отмечается на стеле из Кривого Рога (сер. I - нач. II вв. н.э.), на стене Мангуп-кале (VII-X вв. н.э.), на востоке - неоднократно в бассейнах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи (IV в. до н.э. - VIII в. н.э.), в ахеменидском и парфянском Иране, а также представлен на камне в Аршаан-шаде Восточной Монголии. Среди северокавказских народов он известен у кабардинцев, абхазов, абазин и осетин. В разное время круг достаточно часто представлен как элемент различных тамг. Знак в виде круга с точкой в центре известен по материалам IV-II вв. до н.э. Хорезма, I в. до н.э. - III в. н.э. Бактрии, Аршаан-шада. Он известен у кабардинцев и абазин, отмечается на фасадах осетинской башни Гудиевых и как часть сложного знака на двери из Галиата. Как часть сложного знака круг с точкой в центре он отмечается для сер. I - сер. II в. н.э. в Ак-Кае II в Крыму, в Садовом на Нижнем Дону, для кон. I - нач. III вв. н.э. в Бельбеке IV в Юго-Западном Крыму. Наиболее близок хронологически и территориально даргавскому знаку сложный знак с кругом с точкой из аланского Змейского катакомбного могильника. Для бельбекских тамг отмечаются аналоги I-III вв. н.э. из Крыма (Партизанский/Саблы, Усть-Альма, Неаполь Скифский), Нижнего

Поднепровья, Нижнего Дона, Кубани и Южного Урала (Лебедевка). Сходные знаки без точки отмечены в Крыму, на Нижнем Дону, Кубани, возле Сочи. Далее на востоке круг с точкой представлен на царских монетах Бактрии, в Цаган-гол Западной Монголии, в Тайхар-Чулун Центральной Монголии, на горе Тэбш Южной Монголии, в Аршаан-шаде Восточной Монголии. Образец из Цаган-гол напоминает о том, что здесь представлены и прототипы будущих тамг позднебоспорских династов. Один из них имеет соответствующую точку в центре круга. Вместо него на знаке одного из позднебоспорских царей представлен малый кружок. Аналогичная форма отдельной тамги известна позднее у кабардинцев, абадзехов, абхазов, абазин.

Центральный элемент нашего знака в виде вертикального отрезка или двух симметричных отрезков встречается самостоятельно в материалах Хорезма VI в. до н.э. - VIII в. н.э. Он отмечается в материалах пазырыкской культуры Южного Алтая (Пазырык, курган 4; Башадар, курган 2). Два параллельных отрезка фиксируются в Гяур-кале (Мерв), позднее у кабардинцев, а оба варианта - у ногайцев.

Нижняя часть знака в виде "птички" практически не известна в качестве отдельной тамги или соответствующей части сложных тамг. Пожалуй, к такому знаку можно предположительно отнести образцы сер. I-II вв. н.э. на плите из Танаиса, на стеле из Кривого Рога, на стене грота 37 в Каменной Могиле, на "разрисованной плите" из Керчи. Знак в виде "птички" позднее фиксируется у кабардинцев. [192]

В последнее время было предложено шесть способов образования "родственных" тамг (Яценко, 2001). Видимо, даргавские знаки позволяют дополнить их седьмым, когда новая тамга родственников образуется за счет изменения одной части тамги через использование принципа симметрии. В целом, возможно два варианта изменений: 1. К отрезку, занимающему центральное место в знаке, добавляется параллельный; 2. Из двух параллельных отрезков один изымается. Если в целом обратиться к известному фонду знаков ираноязычных кочевников древности и средневековья, то визуально наиболее приближенным к нашему знаку образцом представляется тамга со стелы из Кривого Рога, состоящая из круга, отрезка и треугольника. Известен и ряд тамг, где вместо круга или треугольника представлены иные геометрические фигуры. Если в данном случае возможна аналогия, то первоначальной формой даргавского знака следовало бы признать образец с одним отрезком.

Показательно, что такой специфический элемент даргавского знака как круг с точкой отмечается не только в Восточной Европе, но и далеко на востоке в Азии. Вполне допустимо предположение С.А. Яценко о том, что в Восточной Европе соответствующие тамги могут быть связаны с сираками. Отмеченные два ареала тамг с соответствующим элементом с учетом реконструируемой истории сиракского союза и тохаро-юэчжийской миграции (Туаллагов, 2001) позволяет предположить, что подобный элемент знака мог появиться в Восточной Европе с тохаро-юэчжами. Его фиксация в Даргавском могильнике напоминает о находке здесь в 1993 г. в катакомбе № 3 антропоморфного изображения, сопоставимого с раннеаланскими изображениями, занесенными в Восточную Европу тохарами-юэчжами.

<http://nasledie.org/v3/ru/?print=1&action=view&id=159055>

Документ:

ГУП "Наследие" - А.А. Туаллагов - Новая аланская тамга из Центрального Предкавказья
